

Балашова Е.Ю. Клиническая психология в поисках смысла пространственных и временных трансформаций: синтез исследовательских парадигм

English version: [Balashova E.Yu. The clinical psychology in the search of the meaning of spatial and temporal transformations: synthesis of research paradigms](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Психологический институт РАО, Москва, Россия

Научный центр психического здоровья, Москва, Россия

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается ряд клинико-психологических проблем, связанных с изучением психического отражения пространства и времени. Обсуждаются особенности представлений о пространстве и времени в мифологическом сознании, а также специфические аспекты этих категорий, являющиеся предметом исследований в различных областях клинической психологии. Анализируется возможная роль пространственных и временных факторов в интерпретации механизмов формирования и развития некоторых симптомов психических расстройств. Намечаются перспективы дальнейших исследований пространства и времени в клинической психологии. Специальное внимание уделяется сложным и неоднозначным процессам интеграции традиционных для отечественной клинической психологии методологических подходов к исследованию пространства и времени и так называемой эстетической парадигмы.

Ключевые слова: пространство, время, клиническая психология, эстетика, культурология, методология, парадигма

Изучение пространства и времени уже на протяжении столетий привлекает внимание многих наук – философии, физики, биологии, геологии, культурологи, психологии [Эйнштейн, 2008; Ухтомский, 1978; Вернадский, 1988; Бахтин, 1986, 1997; Флоренский, 1993; Гуревич, 1984; Пропп, 2000, 2001]. Разумеется, каждая из них выбирает для анализа особые, специфические аспекты этих категорий, применяет в ходе таких исследований различные методологические парадигмы и методические приемы.

В предлагаемой вниманию читателей статье автор постарается осветить некоторые аспекты клинико-психологического подхода к восприятию и интерпретации той обширной феноменологии «поломок» психического отражения пространства и времени, которая попадает в фокус внимания клинических психологов.

Прежде чем обратиться к сфере клинико-психологических исследований, хотелось бы коснуться истории вопроса (причем довольно давней истории). Эта история говорит о том, что потребность в разнообразных изменениях пространства и времени была присуща человеку на протяжении тысячелетий. В далекие времена она реализовывалась в мифах, сказках, фантазиях многих народов.

Только вообразите себе, сколько интригующих пространственных и временных смыслов читатель легко может найти в привычных с детства сказках. Например, зачем такая неопределенность в указании пространственных и временных координат происходящих событий? Они случаются в некотором царстве, в тридевятом государстве; длятся эти события долго ли, коротко ли. Пространство

и время будто бы обозначены, но со своеобразной «квазиточностью». В конце концов, царство не «тривосьмое» и не «четыредесятое», а именно тридевятое. Можно только догадываться о причинах такой неточности, среди которых присутствуют и попытка обезопасить рассказчика от обвинений в вымысле, и эстетическая невозможность оперирования в мифологически-сказочном контексте точными единицами измерения расстояний и длительности (понятно, что это было бы вопиющим стилистическим диссонансом).

Другой факт – именно в мифах и легендах многократно представлены едва ли возможные реально трансформации пространства и времени: сжатие и расширение, ускорение и замедление. В них оказывается возможным за несколько дней сотворить мир; за мгновение облететь землю; провести ночь на пиру у эльфов и утром обнаружить, что прошло не несколько часов, а несколько лет или даже десятилетий. В них можно стать карликом или великаном; превратиться в лавровое деревце, птицу, змею, паука, лягушку, уродливого гигантского тролля или небесное созвездие; даже стать невидимым, сохраняя при этом возможность активно и успешно влиять на происходящие события. Эти пространственные и временные трансформации имеют разный смысл и разные цели; являются демонстрацией божественного могущества, наказанием, наградой, способом ускользнуть от неприятностей.

Заметим, что возникший много тысячелетий назад фантазийный план «освоения», интериоризации пространства и времени благополучно существует и сегодня (конечно, обретя несколько измененный облик) в многочисленных литературных произведениях, фильмах и компьютерных играх, где пространство и время, решая художественные и коммерческие задачи, становятся объектом неисчислимых и поражающих воображение манипуляций.

Такой уровень представлений о пространстве и времени в сознании современного человека вполне благополучно сосуществует с научными представлениями об этих категориях. Подобное сосуществование, разумеется, не является специфическим только для пространства и времени. Например, представляется очень интересным исследование проблемы сосуществования и сложного взаимодействия в обыденном сознании наших современников научных и мифологических представлений о болезни [Тхостов, Нелюбина, 2008].

Что касается клинической психологии, история которой насчитывает уже почти полтора столетия, то у нее с пространством и временем отношения особые и непростые. С первых лет своего существования эта область науки сталкивается с теми или иными психопатологическими феноменами, связанными с пространством и временем. Приведем несколько примеров.

Так, в работах С.С.Корсакова, одного из основоположников клинической психологии в России, посвященных различным нарушениям психики при так называемом алкогольном полиневрите, наряду с расстройствами памяти присутствует упоминание о затруднениях ориентировки в пространстве и времени, свойственных этому заболеванию [Корсаков, 1954]. С.С.Корсаков высказывает предположение о том, что эти затруднения могут быть обусловлены, в первую очередь, мнестическим дефицитом. В работе «О нарушении чувства времени у душевнобольных» (1903) В.М.Бехтерев пишет о том, что при душевных расстройствах достаточно часто возникают затруднения ориентировки во времени и оценки времени, прошедшего после того или иного события [Бехтерев, 1954]. Иногда, по словам В.М.Бехтерева, больные могут даже огромный, значительный промежуток времени уменьшать до минуты; в других же случаях минута кажется им вечностью. Эти симптомы могут наблюдаться при отсутствии помрачения сознания, нарушений памяти и мышления (в частности, бредовых расстройств). Статья особенно интересна тем, что В.М.Бехтерев приводит в ней подробное описание клинического случая, среди симптомов которого, наряду со зрительными иллюзиями, галлюцинациями, различными нарушениями восприятия времени, отмечались и искажения «схемы тела»: больному казалось, что ему приставили другую голову. Другой пациент, наблюдаемый В.М.Бехтеревым в 1889 году, говорил, что для путешествия от Волги до Казани (тогда это расстояние составляло 7 верст) ему понадобилось 100 лет. В.М.Бехтерев приводит и данные о возможности существования дезориентировки во времени при наличии правильной ориентировки в пространстве, о возможности сочетания правильной оценки небольших интервалов времени с ошибочной оценкой длительных интервалов (и обратной диссоциации), о случаях «умножения» числа пережитых обыденных событий.

Подчеркнем интересный факт: уже в клинико-психологических исследованиях XIX столетия пространство и время как бы приобретают двойной облик. С одной стороны, ученых интересуют возникающие при психических расстройствах изменения пространственной и временной перцепции (а впоследствии – и других психических процессов, включающих в свой состав пространственные и временные компоненты). С другой стороны, пространство и время выступают как некие факторы, причины, от действия которых, возможно, зависит характер, качественные особенности нарушений психики. Обращение к уже упомянутым выше работам С.С.Корсакова легко позволит нам найти доказательства этого тезиса. Подробно анализируя расстройства памяти, часто сопровождающие алкогольный полиневрит, ученый приходит к выводу о наличии поврежденных и сохранных звеньев в структуре мнестической функции: его пациенты демонстрируют грубые нарушения запоминания текущих событий и, вместе с тем, достаточно хорошую память на прошлое [Корсаков, 1954]. Таким образом, именно время хранения следов становится одной из вероятных детерминант патологических изменений памяти. Анализируя характер мнестических расстройств, С.С.Корсаков привлекает и объяснения, имеющие пространственный подтекст. По его мнению, диссоциация между нарушением запоминания текущих событий и сохранностью памяти на прошлое связана с тем, что образы давних событий успели образовать широкую систему связей со всей душевной жизнью субъекта [Корсаков, 1954].

Безусловно, обсуждая возможную роль фактора времени в развитии психопатологических симптомов, нельзя не упомянуть фундаментальную монографию Т.А.Рибо «Les Maladies de la mémoire» (1881), изданную на русском языке под названием «Память в ее нормальном и болезненном состояниях» [Рибо, 1894]. Анализируя особенности распада памяти при мозговых заболеваниях и психических расстройствах позднего возраста, он приходит к выводу о существовании в этом процессе нескольких сменяющих друг друга этапов, характеризующихся патологическими изменениями запасов памяти. По мнению ученого, вначале ослабляется память на недавние события, затем к этому ослаблению присоединяется ухудшение репродукции прошлых знаний; постепенно амнезия охватывает весь запас памяти, не распространяясь лишь на отдельные чувства и аффекты. После распада аффективной памяти некоторое время сохранными остаются лишь некоторые автоматизированные двигательные акты.

Оба упомянутых нами «модуса существования» пространства и времени в клинико-психологических исследованиях существуют и сегодня. Анализируя особенности развития этих исследований (хочу предупредить читателя, что наш анализ будет касаться в основном отечественного контекста), необходимо отметить, что интерес к изучению хотя бы феноменологического уровня нарушений психического отражения пространства и времени проявляют далеко не все области клинической психологии. И это естественно, прежде всего, потому, что изменения психического отражения пространства и времени занимают неодинаковое по значимости место в иерархии клинических и психологических симптомов различных неврологических и психических заболеваний. Кроме того, в научной мысли (не только психологической!) существует и неоднозначная динамика интереса к той или иной проблеме: он то вспыхивает, то затухает; в какой-то момент начинает казаться, что все уже исследовано и понято, – и вдруг происходит неуловимая перемена и раскрываются новые горизонты, привлекающие наше любопытство.

Пожалуй, наиболее отчетливо этот интерес, касающийся преимущественно пространства, выражен в нейропсихологии. Многолетнее изучение локальных поражений мозга позволило не только описать разнообразные симптомы нарушений пространственных компонентов восприятия, памяти, мышления, произвольных движений, но и существенно уточнить представления о сложной мозговой организации так называемого пространственного фактора [Лурия, 1962, 1973; Меерсон, 1986; Деглин и др., 1986; и др.]. Вполне обоснованным представляется утверждение о том, что луриевской нейропсихологией разработана оригинальная интегративная модель пространственной организации человеческого мозга, в которой для обеспечения выполнения разнообразных психических и поведенческих задач согласованно действуют различные по уровню и топической отнесенности церебральные зоны и структуры.

В последние несколько десятилетий возрастные аспекты структуры и динамики пространственных функций стали значимым объектом исследований в нейропсихологии детского возраста и нейропсихологии старения [Ченцов и др., 1980; Меликян, Скороходова, 2002; Балашова, 2014]. Нейропсихологические аспекты восприятия времени пока изучены отечественными учеными в

меньшей степени, и главные открытия в этой области «еще в грядущем» [Балашова, 2014]. Заметим, что пока в разработке проблемы психологического времени преобладают исследования, выполненные с позиций патопсихологического или интегративного клинико-психологического подходов [Карпова, 1987; Блохин, 2006; Микеладзе, 2014]. Представляют несомненный интерес и исследования изменений восприятия внешнего и телесного пространства при психических расстройствах [Дорожевец, Соколова, 1985; Широкова, 2008; Бескова, 2003].

На наш взгляд, продолжение сложной истории исследований пространства и времени в клинической психологии невозможно без попыток построения системной модели их будущего. Не знаю, согласится ли со мной читатель, но создание такой модели немыслимо без постановки следующих вопросов. Первый вопрос: будут ли продолжаться нейро- и патопсихологические исследования пространства и времени, опирающиеся на методологию синдромного анализа и культурно-исторического подхода? Без сомнения. Причем мне кажется, что приоритет в этих исследованиях будет принадлежать времени, о котором клиническая психология пока имеет лишь приблизительное представление. Второй вопрос: будут ли продолжаться исследования возрастных аспектов психического отражения пространства и времени? Конечно. Мы сегодня знаем далеко не все об особенностях психических репрезентаций пространства и времени в детском возрасте и при старении, о роли дефицита пространственной и временной перцепции в формировании психологической картины разных типов дизонтогенеза или вариантов патологического старения. Вероятно, внимание клинических психологов будет привлечено и к другим онтогенетическим периодам: подростковому, юношескому, зрелому возрасту. Здесь, на мой взгляд, особенно перспективен клинико-психологический анализ роли пространственных и временных представлений в процессах социализации, социокультурной адаптации, а также пространственно-временной организации образа мира современного человека.

И, наконец, третий вопрос. Правомерна ли интеграция в традиционную методологию клинико-психологических исследований пространства и времени так называемой эстетической парадигмы? Возможно ли гармоничное (то есть продуктивное и логически непротиворечивое) сочетание традиционных методов клинической психологии и познания психологической реальности через призму творчества, художественных образов? Вспомним идеи А.Ф.Лосева, который неоднократно подчеркивал в своих работах, что предметом эстетики как философского учения о сущности и формах прекрасного в художественном творчестве, в природе и в жизни, об искусстве как особой форме общественного сознания является выразительная форма, к какой бы области действительности она ни относилась; что практически каждая область общественной жизни может стать источником эстетики, которая впитывает и концентрирует специфику любой социально-исторической конкретики [Лосев, 1991, 1992]. Ответ на поставленный вопрос достаточно сложен, но некоторые его слагаемые, кажется, уже сейчас могут быть сформулированы.

Во-первых, неправомерно думать, что интеграция клинико-психологической и эстетической парадигм относится исключительно к будущему времени. Против такого взгляда существует достаточно много аргументов. На самом деле тенденция к интеграции существует уже несколько десятилетий, поскольку методология культурно-исторического подхода предполагает анализ роли социальных и культурных факторов (в том числе связанных с различными формами художественного творчества) в нормальном или патологическом функционировании человеческой психики. Вспомним и о сфере психологического воздействия, в которой еще со времен Первой мировой войны широко применяются методы арттерапии (в частности, музыкотерапии).

Во-вторых, оглядываясь назад, в более далекое прошлое, мы прекрасно понимаем, что не только факты реальной жизни, но и художественное творчество во многом инициировало обращение психологии к изучению психических отклонений. Образы, созданные А.С.Пушкиным, Н.В.Гоголем, Ф.М.Достоевским, О. де Бальзаком, Ч.Диккенсом и другими великими писателями и художниками, задолго до становления клинической психологии как области научного знания являют нам впечатляющую картину акцентуаций характера, личностных расстройств, зависимого поведения. В XX столетии мы открываем в культурологических и художественных произведениях идеи, позволяющие по-новому взглянуть на проблему пространства и времени в психологии. Приведу несколько примеров.

Первый из них относится к текстам М.М.Бахтина (1895–1975), одного из создателей концепции хронотопа, раскрывающей сложные закономерности взаимодействия пространства и времени в

художественном произведении [Бахтин, 1986, 1997]. Вот что он пишет о пространстве и времени в произведениях Ф.М.Достоевского: «Отсутствие внутреннего пространства у Достоевского. Все действия, все события совершаются на пороге. Он выводит из мира, из дома, из комнаты. Войти вовнутрь и успокоиться, окружить себя миром, комнатами, вещами, людьми, своим миром, своей комнатой, не у порога, не на границе. Он знает одно движение – вовнутрь человека, именно сюда он вытесняет, загоняет человека из внешнего мира, но и это нутро человека, внутренние глубины его оказываются границей, порогом (порогом другой души), точкой соприкосновения сознаний (и раздвоением собственного сознания), безысходным диалогом; нечем окружить себя и не в чем успокоиться. Человек окружен миром, своей комнатой, природой, пейзажем, – он живет внутри мира и в нем действует; вокруг него плотные и теплые массы мира; он внутри внешнего мира, а не на границах его. Организация пространства у Достоевского. Это не обычное художественное земное пространство, в котором человек прочно локализован и окружен. Эта организация пространства связана с Инферно. Это не пространство жизни, а выхода из жизни. Это – узкое пространство порога, границы, где нельзя устроиться, успокоиться, обосноваться, где можно только перешагнуть, переступить. История этого пространства. Формы и виды порога и границ в архитектуре. Все действие с самого начала и до конца совершается в точке кризиса, в точке перелома. Организация пространства и организация времени. Все действие совершается в Магометово мгновение. Мгновение кризиса. Все с самого начала известно и предчувствовано. Время ничего не умерщвляет и не рождает, оно в лучшем случае только проясняет. Вся жизнь в одном мгновении» [Бахтин, 1997, с. 73–75]. Здесь, в этих беглых набросках, мы не только поражаемся глубине проникновения в психологический подтекст творчества писателя, но и получаем шанс по-новому взглянуть на смысл давно известных клиничко-психологических понятий о «пограничной» личности, «пограничных» психических расстройствах.

А вот второй пример – отрывки из книги современного нидерландского прозаика С.Нотебоома «Ритуалы» (1980), в которой рассказывается о жизни одного немного странного субъекта. «Время – штука своеобразная: когда оглядываешься назад, оно видится компактной массой, неделимым монолитом, блюдом с единственным запахом и единственным вкусом [Нотебоом, 2000, с. 13]. «Однако порой, когда время тянулось бесконечно, когда невообразимо долгие дни приводили его в замешательство, когда казалось, что минут и часов всегда будет больше, чем воды и воздуха...» [Нотебоом, 2000, с. 20]. «Есть люди, которые, словно бесформенную глыбу, волокут за собой все то время, что они провели на земле, и Инни Винтроп был из их числа (...). Он не умел ни оценить свое время, ни измерить, ни поделить. Хотя, пожалуй, здесь уместнее говорить не о *его* времени, а о времени *вообще*, ибо лишь тогда эта стихия в полной мере обретает присущую ей липкую вязкость. И не только прошлое цеплялось к Инни таким манером, будущее тоже было весьма строптиво. Там его поджидало столь же бесформенное пространство, которое надлежало преодолеть, причем наугад, без мало-мальски четких указаний, каким путем оттуда выбраться» [Нотебоом, 2000, с. 41–42]. Эти отрывки заставляют нас задуматься о завораживающей возможности описания личности через особенности переживания ею пространства и времени. Невольно вспоминаются слова Б.Кроче о том, что искусство, в отличие от науки, познает индивидуальное, а не общее [Кроче, 1920].

Наконец, именно эстетическая парадигма оказывается очень важной для понимания того, что такое эмоционально окрашенное переживание пространства и времени. Благодаря поэтическим образам Ф.Петрарки, Н.С.Гумилева, А.А.Ахматовой, О.Э.Мандельштама мы начинаем чувствовать, что можно грезить о пространстве или бояться его, благословлять или ненавидеть время.

Использование эстетической парадигмы может оказаться полезным и при интерпретации ряда симптомов, наблюдаемых и изучаемых в процессе клиничко-психологического обследования. Поскольку я уже несколько десятилетий занимаюсь нейропсихологическими исследованиями онтогенеза и культурогенеза пространственных представлений, меня давно интригует одна идея Б.В.Раушенбаха. В предисловии к монографии «Пространственные построения в живописи» он писал об ошибочности утверждения о том, что древнеегипетские художники «не умели» передавать предметы с учетом перспективы. По его мнению, они просто не ставили перед собой такой задачи, поэтому не стоит упрекать их в недостатке мастерства [Раушенбах, 1980].

Не могу согласиться с автором по поводу трактовки комментируемого феномена, но мысль интересная. Если транспонировать ее в понятийную область клиничко-психологии, то можно представить себе, что те симптомы, которые мы привыкли интерпретировать как связанные с

дефицитом операциональных составляющих психической деятельности, следует скорее соотносить с недостаточностью ее мотивационного обеспечения. Иными словами, адекватная реализация пространственных и временных операций при психических расстройствах и мозговых поражениях не то чтобы принципиально невозможна, но теряет для больного свою значимость, актуальность, необходимость. С явлениями того же порядка, мы, вероятно, сталкиваемся у современных (вполне здоровых психически) подростков, для которых характерно вопиющее отсутствие интереса к требующему определенных интеллектуальных усилий формированию многих пространственных и временных навыков.

Возвращаясь к обсуждаемой теме, нужно сказать еще и о том, что иногда метафорический язык художественных образов оказывается более выразительным при описании клинико-психологических явлений, чем язык научной психологии. Что расскажет нам больше об индивидуальных различиях в восприятии времени – факт наличия математических корреляций между ведущей рукой и погрешностью при отмеривании субъективной минуты или слова американского писателя, написанные почти восемьдесят лет назад? «Время представляет собой миф и тайну: у него множество ликов, оно налагает свой отпечаток на все образы мира и преображает их странным, неземным сиянием. Время собрано в огромных часах и висит в башнях, тяжеловесные колокола времени оглашают темноту спящих городов, время бьется слабеньким пульсом в часиках на женском запястье, время дает начало и кладет конец жизни всех людей, и у каждого человека свое, особое время» [Вулф, 2000, с. 603]. Что точнее характеризует катастрофические изменения окружающего пространства в ситуации тяжелой соматической болезни: общепринятый термин «социальная ситуация развития» или метафорический процесс пугающего и неотвратимого «сжимания» комнаты умирающей героини в романе Б.Виана [Виан, 1983]? Что может быть психологически точнее описания в рассказе Р.Акутагавы реакции пожилого монаха на жестокую коррекцию формы его слишком длинного носа и на новый образ «правильного» носа [Акутагава, 1989]? Описания, фактически прогнозирующего целый спектр патологических личностных реакций, наблюдаемых современными клиническими психологами у пациентов клиник эстетической хирургии [Баранская, 2008].

Все эти примеры ясно показывают нам реальные перспективы включения в клинико-психологические исследования пространства и времени, наряду с традиционными методологическими подходами, и эстетической парадигмы, способной существенно обогатить, в первую очередь, возможности формулировки исследовательских гипотез и интерпретации полученных результатов. Конечно, пока сложно конкретизировать ряд аспектов и следствий подобного синтеза различных парадигм, но он, безусловно, является интересным и перспективным.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков».

Литература

Акутагава Р. Новеллы. М.: Художественная литература, 1989.

Балашова Е.Ю. Методология клинико-психологического исследования репрезентаций пространства и времени при старении: возможности и ограничения. Психологические исследования, 2014, 7(36), 11. <http://psystudy.ru>

Баранская Л.Т. Факторы риска расстройств личностной адаптации у пациентов эстетической хирургии. Екатеринбург: Уральский университет, 2008.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.

Бахтин М.М. К вопросам теории романа. К вопросам теории смеха. О Маяковском. М.: Русские словари, 1997. Т. 5, с. 53–56.

Бескова Д.А. Структура границ образа тела (на модели соматоформных расстройств). Вестник Моск.

гос. университета. Сер. 14, Психология, 2003, No. 1, 79–81.

Бехтерев В.М. Избранные произведения. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954.

Блохин К.Н. Нарушения переживания времени у больных опийной наркоманией: дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 2006.

Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

Виан Б. [Vian B.] Пена дней. М.: Художественная литература, 1983.

Вулф Т. [Wolfe T.] Паутина и скала. М.: Остожье, 2000.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Деглин В.А., Ивашина Г.Г., Николаенко Н.Н. Роль доминантного и недоминантного полушарий мозга в изображении пространства. В кн.: Е.Д. Хомская (Ред.), Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М.: Наука, 1986. С. 58–70.

Дорожевец А.Н., Соколова Е.Т. Исследования образа тела в зарубежной психологии. Вестник Моск. гос. университета. Сер. 14, Психология, 1985, No. 4, 39–49.

Карпова Е.В. Изменения субъективного времени в случаях психической патологии (сравнительное исследование адекватности оценок временных интервалов): дис. ... канд. психол. наук. Моск. гос. университет, Москва, 1987.

Корсаков С.С. Избранные произведения. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1954.

Кроче Б. [Croche B.] Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1920.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Мысль, 1991.

Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1992.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Моск. гос. университет, 1962.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Моск. гос. университет, 1973.

Меерсон Я.А. Нарушения зрительного гнозиса при локальной патологии левого и правого полушарий головного мозга. В кн.: Е.Д. Хомская (Ред.), Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга. М.: Наука, 1986. С. 71–80.

Меликян З.А., Скороходова Т.А. Индивидуальные особенности функциональной организации мозга детей 7–8 лет с задержками психического развития в процессе переработки зрительно-пространственной информации. Физиология человека, 2002, 28(2), 31–34.

Микеладзе Л.И. Клинико-психологические аспекты проблемы переживания времени в позднем возрасте. Знание. Понимание. Умение, 2014, No. 3, 354–367. www.zpu-journal.ru.

Нотеboom С. [Nooteboom C.] Ритуалы. М.: Текст, 2000.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

Раушенбах Б.В. Пространственные построения в живописи. М.: Наука, 1980.

Рибо Т. Память в ее нормальном и болезненном состояниях. СПб.: Издательство книгопродавца В.И.Губинского, 1894.

Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С. Обыденные представления как фактор, опосредующий поведение в ситуации болезни. Вестник Томского государственного университета. Сер. Психология, 2008, No. 317, 243–246.

Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.

Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.

Ченцов Н.Н., Симерницкая Э.Г., Обухова Л.Ф. Нейропсихологический анализ нарушений пространственных представлений у детей и взрослых. Вестник Моск. гос. университета. Сер. 14, Психология, 1980, No. 3, 63–71.

Широкова О.С. Пространственная организация психики на модели агорафобических и клаустрофобических расстройств. Вестник Моск. гос. областного университета. Сер. Психологические науки, 2008, No. 4, 38–45.

Эйнштейн А. Работы по теории относительности. М.: Амфора, 2008.

Поступила в редакцию 21 мая 2015 г. Дата публикации: 14 августа 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Балашова Елена Юрьевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, «Психологический институт РАО», ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; старший научный сотрудник, отдел медицинской психологии, Научный центр психического здоровья, Каширское шоссе, д. 34, 115522 Москва, Россия; старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, факультет психологии, Московский государственный областной университет, ул. Радио, д. 10А, 105005, Москва, Россия.
E-mail: elbalashova@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Балашова Е.Ю. Клиническая психология в поисках смысла пространственных и временных трансформаций: синтез исследовательских парадигм. Психологические исследования, 2015, 8(42), 4. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Балашова Е.Ю. Клиническая психология в поисках смысла пространственных и временных трансформаций: синтез исследовательских парадигм // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1165-balashova42.html>

[К началу страницы >>](#)